

ВЛАДИМИР КРУПИН

О НАЗНАЧЕНИИ ПИСАТЕЛЯ В РОССИИ

Ни природа, ни государства не могут быть без национальной идеи, которая объясняет их присутствие в мире. Россия как непобедимое государство и русский народ выращены Православием. Оно и есть национальная идея России. В нем соединенность краткости земной жизни с жизнью вечной и понимание зависимости нашей воли от воли Божией.

Русское слово, вначале устное, потом письменное, всегда славил Бога, всегда полагало основание жизни во Христе. Именно оно создало национальный характер. Возглас русских былин постоянен: “Постоим за Землю Русскую, за Веру православную!”.

Почему русская литература – ведущая в мире? Потому что стоит на основе устной и книжной письменности Древней Руси, которая глубоко православна. Краеугольный камень русской литературы – “Слово о Законе и Благодати”. В нем описан приход Православия в русские пределы, наше неприятие иудаизма, преданность народа своим руководителям, если они исполняют Закон Христов, различение добра и зла, учение об истинной мудрости, которая в познании Бога. Первыми переводами с греческого на русский, после Священного Писания и Богослужебных текстов, были книги святых отцов. У них мы учились отличать истинное знание от ненужного.

Воспитанию души с помощью православного разума служила русская литература. Она поставила эту цель во главу угла. Она выучилась этому от устного народного творчества: обрядовых и исторических песен, былин, сказок, загадок, легенд и, второе, от творений святых Отцов. С первых шагов стала учить добру, красоте, правде, совести, различать ложь, говорила о молитве, посредством которой можно и нужно достигнуть прозорливости, любви и смирения. Учила с помощью великих и мощных образов богатырей и пахарей Святогора, Ильи Муромца, Микулы Селяниновича, Добрыни Никитича, Вольги Святославовича, Алеши Поповича... Все очень разные, живые, способные и к выяснению отношений, они всегда отбрасывали свои обиды друг на друга, на князей, когда речь заходила о защите святых церквей. О деньгах и помина нет при этом. Никита Кожемяка не хочет воевать со Змеем, но Владимир – Красное Солнышко посылает к нему осиротевших детей, и “сжалился Кожемяка на сиротские слезы” и вступил в схватку. Победив Змея, не взял за это ничего и вернулся к своему труду.

Былины Новгородского цикла учили любви и порядочности. Набожность служилых и торговых людей была нормой. Садко, богатый купец, трое суток

играет “в гуселки яровчатый”, морской царь пляшет, так что “стало много тонуть людей праведных, стал народ молиться Миколу Можайскому”. Явился святитель Николай, научил Садко, как спастись от морского царя. Вернулся Садко в Новгород, выстроил в благодарность святому церковь белокаменную. Другой новгородец Василий Буслаев – натура вольная, буйная. Угомона нет на него. И отец покойный не в пример. Ссорится с новгородцами. И унижает его даже не “старчище пилигримище”, а “почестная вдова Амелфа Тимофеевна”. “Никого я не послушал бы, – говорит Василий, – а послушал тебя, родную матушку, не послушать тебя закон не дает”. Отправляется с дружиной к святым местам.

Традиции устной русской литературы перешли в письменную. В “Слове о полку Игореве” Игорь, возвращаясь из плена, первым делом идет в храм к Богородице Пирогощей. “Поучение” Владимира Мономаха насковоз пронизано наставлениями о вере в Бога, о соблюдении постов. “Слово” Даниила Заточника показывает, насколько в Древней Руси хорошо знали Священное Писание и античную письменность. Но уже видны обороты чисто русские: “Дураков не жнут, не сеют, сами рождаются... Как в худой мех воду лить, так и глупого учить; мертвого не рассмешить, безумного не научить”.

В текстах постоянны явные или измененные цитаты из Псалтыри, Ветхого и Нового заветов. И литература паломнических путешествий, “хождений” насковоз православна. Игумен Даниил у Гроба Господня возжигает “кандила”, лампы за всю русскую землю. “Во всех местах Святой Земли я отслужил 90 литургий за князей, бояр, за детей моих духовных, за всех русских христиан, живых и мертвых”. Афанасий Никитин – купец. Конечно, думает и о выгоде путешествия, но главное в “Хождении за три моря” – боязнь потерять причастность к кругу православного богослужения. Вот он болел, выздоравливал, ест скоромное и боится, а вдруг уже наступил Великий пост?

Велики заслуги летописца Нестора, святого покровителя пишущих на русском языке. Его “Повесть временных лет... откуда есть пошла Русская земля” ведет отчет не от киевских князей, а от времен библейских, от разделения земли меж сыновьями Ноя после потопа, числит происхождение “словенское” от племени Иафетова. То есть русские включаются в мировую историю с ее первых шагов. В житийных сочинениях о Борисе и Глебе, Антонии и Феодосии преподобный Нестор, как и в своей “Повести”, все события в мире и Руси объясняет Божественным Промыслом. И сами основатели русского монашества – незаурядные писатели, особенно Феодосий. Литературоведы отнесли бы его к ярко выраженным публицистам. Весь пафос его широко в Руси известных сочинений говорит о постоянной бдительности и охране веры православной от латинян. Полагая, что спасение возможно только в православной вере, Феодосий вообще запрещает хвалить чужую веру. Кстати, русское слово “чушь” происходит как раз от слова “чуж, чужой”. “Если кто хвалит чужую веру, тот является двоеверцем и близок к ереси... Если кто скажет тебе: ту и другую веру Бог дал, ты отвечай: разве Бог двоеверен?” С латинянами Феодосий вообще запрещает иметь какие-либо сношения ни по делам веры, ни по делам житейским.

Можно и дальше и с большой пользой обращаться к памятникам русской письменности, совершенно не стареющим, но пора перейти к современности и сделать вывод: в русское письменное слово, начиная с Ивана III, с Алексея Михайловича и Петра Алексеевича, тем более с времен сменивших их женщин, Екатерины, Анны, Елизаветы, Екатерины II, вошли “оккупанты” – духи светскости и развлечения, духи ожидания удовольствия от чтения. То есть пришло чтение, которое действовало на нервы, а не на душу. А щекотание нервов требует все новых ощущений, и их мы дождались от Вольтера, Руссо, от Дидро, Аламбера. Красиво названы: энциклопедисты, но попросту это безбожники, вызвавшие к жизни и Дарвина с его обезьянами, потом и Ницше с его ожиданием сверхчеловека, то есть фашизма. Это ж логично: если от инфузории-туфельки, амебы мы дошли до человека, изобрели станок Гутенберга, надо идти дальше.

Далее страшно, ибо доверились славяне безбожным учениям. Помогали в этом свои богоборцы: Белинский, Чернышевский, Писарев, Добролюбов, Тарас Шевченко. Да и Герцен. Кто тогда слышал голоса Данилевского, Леон-

тьева, Хомякова, Аксаковых, святителей Тихона Задонского, Дмитрия Ростовского, Игнатия Брянчанинова, Феофана Затворника, Иоанна Кронштадтского, Оптинских старцев? Их наследие еще только начинает осваиваться. Теперешние писатели, дерзающие писать на русском, просто обязаны сделать их книги настольными.

Что нас спасет? Единственное и самое простое – обращение к Господу. Все остальные пути перепробованы.

Эта простота спасения всегда вызывала злобу падшего Денницы. Нападения на русскую душу были самыми сильными во все времена. Ослабевала вера – Россия вразумлялась бедствиями. Крепла вера – возвышалась Россия, но опять усиливались сатанинские нападения. Эти нападения усиливаются именно сейчас, по мере продвижения России ко Христу. Духовные вожды народа, к которым относятся писатели, ибо им дан от Бога дар писать, обязаны соответствовать вызову времени. Но если писатель не воцерковлен, труды его плохо помогут Отечеству. Ведь любили же Россию Палиевский, Кожин, Селезнев, Ланщиков, Михайлов, но их противостояние нашествию безбожного воинства оказалось слабым. Потому что не были воцерковлены. И не они, а либералы стали влиять на умы. Разве бы кому-то из любящих Россию пришло в голову именовать русских солдат федералами. “Погибло пять боевиков и убито три федерала”. Федералы. И это о русских юношах, о цвете человечества. О тех, кто продолжил меру подвига воинов Великой Отечественной. Но не у любящих Россию, а у ее ненавидящих в руках средства массовой информации.

Именно нам вновь посылается испытание нашей веры, нашей любви к России. Где можно найти силы для любви и веры? Только в Церкви. Кто об этом скажет? Только тот, кто за свои труды и молитвы награжден таким даром. То есть воцерковленный писатель. Он никогда не заменит священника. Да это и не его дело. Стихотворение Пушкина “Отцы пустынноики и жены непорочны” не заменяет великопостную молитву святого Ефрема Сирина, и “Объявление Божественной Литургии” Гоголя не есть Литургия, но они помогают войти в церковную ограду, воздвигнуть вокруг себя “стены Иерусалимские”. Вот назначение сегодняшнего слова.

Да, у нас стократно меньше возможностей выходить к читателям и слушателям, сравните число и тиражи изданий, телевизионное и экранное время, но спросим, что ж нас все никак не победят, не задавят, не низведут до уровня толпы и черни? Потому что есть безошибочное чутье народа. И оно чует правду, оно сердцем ощущает того, кто любит Россию, а кто видит в ней экономическую территорию проживания.

Конечно, нам тяжело. Но это естественно: мы – русские, нам всегда было всех тяжелее. Русский Крест неподъемен для других. А то, что он дан именно русским, показывает веру Господа в нас. Мы обязаны оправдать Его веру. Тяжело, но Крест не по силам Господь не дает. И то, что усиливается бесовская злоба – это верный показатель того, что наша любовь к Богу и России действенна. В непрекращающейся схватке Христа с Велиаром, света с тьмой православные писатели – воины. Их оружие – слово. Но это главное оружие современности. А слово, обеспеченное золотом любви, обязательно победит.

* * *

Православный взгляд на явления и события может спокойно ответить на любые, казалось бы, сложные вопросы бытия. Вот постоянно муссируемый вопрос антисемитизма. Но надо же различать еврейство, иудейство и жидовство. Жидом может быть и не еврей, еврей может быть и не иудеем. Не было никогда в России антисемитизма, да и кто бы, кроме Советской армии, спас евреев в Великую Отечественную войну? А жидовство – понятие не национальное, а социальное. И почему нельзя употреблять это слово? Тогда, что, и Пушкина нельзя читать, и Гоголя, и Лескова? Например, Плюшкин же не еврей, а русский помещик. Он торгуется с Чичиковым: “А сколько бы вы дали? – спросил Плюшкин и сам ожидал: руки его задрожали, как ртуть”. У Пушкина в “Скупом рыцаре” Иван, посылая слугу к Соломону, наказывает:

“Да ты б ему сказал, что мой отец богат и сам, как жид...”, но самого Соломона Иван называет жидом только тогда, когда тот подстрекает Ивана к отравлению отца: “Есть у меня знакомый старичок, аптекарь бедный... он составляет капли... ни вкуса в них, ни цвета не заметно; а человек без рези в животе, без тошноты, без боли умирает”. Вот тут-то Иван вскидывается: “Как! Отравить отца! И смел ты сыну... да знаешь ли, жидовская душа...” и далее по тексту.

Жидовство — понятие, обозначающее скряжничество, вымогательство, паразитирование на чужом богатстве. Есть об этом и пословица: “Родом дворянин, а делами жидовин”. Русских участников в ереси жидовствующих едва ли не больше, чем евреев.

Сохранился анекдот из послереволюционных времен, тогда как раз был такой закон и запрещалось произносить слово “жид”. На остановке трамвая стоит мужчина. Милиционер спрашивает: “Что вы тут делаете?” — “Трамвай под...”. Тут мужчина спохватился, ведь внутри слова “поджидаю” как раз это слово. И произносит: “Трамвай подъевреиваю”.

Так что к жидам сейчас скорее относятся не евреи, а так называемые новые русские. Конечно, они новые, так как забыли правило для богатых людей в России: Господь дал мне возможность нажить достояние, я возвращаю его Отечеству. И тут, к слову, притча о смерти нового богатого. Он отстегивал от щедрот своих нечестно нажитые деньги на церковь и уверенно пришел к дверям рая. Говорит апостолу Петру: “Открывай!” — “Подождите, мне надо посоветоваться”. — “Чего ждать, вон и по телевизору показывали, как я компьютеры в детдом дарю”. — “Но все-таки подождите”. Вернулся, говорит: “Деньги приказано вернуть, в рай не пускать”.